

К.И. БРИНЕВ¹

Хэнаньский государственный университет

**ФАКТЫ И ОЦЕНКИ, ФАКТЫ И МНЕНИЯ:
АНАЛИЗ ОППОЗИЦИЙ СУБЪЕКТИВНОЕ /
ОБЪЕКТИВНОЕ, ВЕРИФИЦИРУЕМОЕ /
НЕВЕРИФИЦИРУЕМОЕ**

Статья посвящена теоретическому описанию проблемы разграничения утверждений о факте, оценок и мнений, оппозиции, которая значима при производстве судебной лингвистической экспертизы по различным категориям дел. В центре внимания находятся основные оппозиции, которые используются в настоящее время для объяснения различий между утверждениями о фактах, оценками, мнениями, оппозиций субъективного и объективного, верифицируемого и неверифицируемого. Проведен логический анализ полноты, непротиворечивости теоретической и практической реализации этих оппозиций в юридической лингвистике, описаны теоретические ограничения, которые связаны с применением оппозиций субъективного и объективного, верифицируемого и неверифицируемого при разграничении оценок и фактов, фактов и мнений.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, факт, мнение, оценка, верификация, субъективное, объективное.

K.I. BRINEV

Henan state University

**FACTS AND ASSESSMENTS, FACTS AND OPINIONS:
ANALYSIS OF OPPOSITIONS SUBJECTIVE /
OBJECTIVE, VERIFIED / UNVERIFIED**

The article is devoted to a theoretical description of a statement division problem of a fact, assessments, opinions and opposition that is significant while conducting a legal linguistic analysis of different categories of cases. The main oppositions that are currently being used to explain differences between statements of facts, assessments, opinions, oppositions of subjective and objective, verified and unverified are in the center of analysis. A logical analysis of completeness, consistency of theoretical and practical realization of these oppositions in legal linguistics was conducted; theoretical restrictions that are connected with the use of the oppositions of subjective and objective, verified and unverified while distinguishing assessments and facts, facts and opinions were described.

Keywords: legal linguistics analysis, fact, opinion, assessment, verification, subjective, objective.

¹ Константин Иванович Бринев, доктор филологический наук, профессор кафедры русского языка Хэнаньского государственного университета (Китай).

Статья посвящена теоретическому обсуждению содержания оппозиции «утверждения о фактах / мнение / оценка» в юридической лингвистике и судебной лингвистической экспертизе. Нужно сказать, что, на наш взгляд, созрела необходимость именно теоретического обсуждения, так как те презумпции, которые кладутся в основу экспертного исследования по категориям дел, связанным с противопоставлением фактов и мнений, являются неудовлетворительными. Это означает, что в настоящее время отсутствует полная и непротиворечивая теория, которая описывает все без исключения факты этой проблемной области, а значит, что конкретные экспертные решения принимаются, основываясь на здравом смысле, интуиции и др., но не на знании.

Может показаться, что примеры, которые рассмотрены в статье, несколько искусственны, что такие примеры никогда не встретятся в судебном разбирательстве, но, напомним: теория – это полное и непротиворечивое описание всех фактов, а потому теорию, которая претендует на какое-то объяснение, не интересует случайный для нее факт, попадет ли конкретное высказывание в сферу судебного разбирательства или нет. Таким образом, независимо ни от чего мы должны уметь описывать любой произвольный фрагмент русского языка, если же это условие не выполняется, то наша теория неполна.

Цель статьи заключается также и в том, чтобы на конкретных примерах показать идеологию, которая в настоящее время используется при производстве судебной лингвистической экспертизы. Предварительный анализ показал, что основные оппозиции, которые призваны объяснить противопоставление фактов и мнений (оценок) неудовлетворительны: логика, на которой они основаны, не проведена до конца, объяснения, которые порождают эти принципы, избирательны. Общую ситуацию можно представить, на наш взгляд, следующим образом. Экспертная практика основывается на наборе *ad hoc*-теорий, а отсюда имеет место ситуация «привязывания» какого-либо подходящего теоретического положения для описания конкретного факта, как правило, в целях обоснования интуитивного решения, которое принимается еще до исследования материала, тогда как ситуация должна быть иной: любой факт должен быть объяснен при помощи теории, независимо от предварительных интуитивных соображений исследователя. На этом фоне вполне понятным представляется отсутствие пошаговых ясных методик, которые представляли бы собой алгоритм принятия решения по конкретному экспертному вопросу о разграничении фактов и оценок (мнений).¹

¹ Не нужно доказывать, что теоретическая и прикладная науки логически связаны друг с другом, а именно: они логически обратимы (см. об этом подробно [Поппер, 2002, 327-330]). Отсюда вытекает следующее: если нет удовлетворительной теории, то нет удовлетворительного объясняющего, которое должно обязательно содержать кантовское высказывание.

В статье рассматриваются две распространённые оппозиции, которые используются для «объяснения» противопоставления фактов и мнений. Это оппозиция «субъективного / объективного» и оппозиция «верифицируемого / неверифицируемого»¹.

Субъективное / объективное. Данное противопоставление довольно часто используется в теоретической литературе по судебной лингвистической экспертизе и конкретных экспертизах. Эта оппозиция имеет несколько вариантов, в которых представлены разнородные явления, что говорит об отсутствии ее теоретического осмысления и как следствие – о ее бесполезности в практическом аспекте.

Первый вариант этой оппозиции представлен парой «реальная действительность / картина мира говорящего (субъективная картина мира говорящего)». Содержание этой оппозиции, вероятно, можно сформулировать следующим образом: объективно существуют некие реальные процессы, события; они каким-то образом, может быть, искаженно, а, может быть, иногда и неисканно отражаются в текстах, но в текстах также существуют и не связанные с реальной действительностью компоненты, которые соотносятся исключительно с когнитивной (ментальной) сферой говорящего.

Трудно сформулировать теоретические предпосылки, которые лежат в основе данных представлений. Скорее всего, за такими утверждениями стоит наивная концепция, согласно которой объективная реальная действительность в ходе ее отражения человеком неизбежно искажается, отсюда делается вывод о субъективности всякого текста. При этом никто не обращает внимания на то, что в выражении «всякое высказывание субъективно» неявно утверждается, что «всякое высказывание производит конкретный человек» или даже «всякое высказывание производит человек», а так как человек искажает реальность, то все высказывания искажают реальность и, следовательно, субъективны. Нет необходимости обосновывать, что перед нами простая тавтология, а не оригинальная мощная объяснительная теория чего-либо.

Рассмотрим достаточно тривиальный пример. Предположим, что кто-то утверждает, что «Солнце вращается вокруг Земли». Если человек говорит это искренне, то это часть его картины мира, другими словами, какую-то часть его картины мира составляет ложное высказывание «Солнце вращается вокруг Земли», при этом этот же человек может разделять высказывание «Меркурий находится ближе к

¹ В данной статье мы не рассматриваем концепцию, согласно которой нужно определить понятия «факт», «оценка», «мнение». На наш взгляд, эта концепция не является научной, проблема описания реальной действительности в ней подменяется словесной проблемой: анализом соглашения об употреблении слов, на что мы указывали неоднократно.

Солнцу, чем Земля». Мы, конечно, можем сказать, что картина мира этого человека субъективна, но встает вопрос: «Что нового в представленное описание будет вносить слово «субъективно» помимо того, что этот человек разделяет истинность высказываний «Солнце вращается вокруг Земли» и «Меркурий находится ближе к Солнцу, чем Земля»? Думаем, что отрицательный ответ в данном случае очевиден.¹

Вариантом этой оппозиции без апелляции к понятию «картина мира говорящего» является признание того, что оценки субъективны, а факты объективны. Слово «оценка» в этом случае употребляется для наименования двух разных, на наш взгляд, выражений. Рассмотрим два высказывания. Первое высказывание – собственно оценочное – такое, как «Воровать нехорошо» или «Убивать нельзя», второе – то, которое содержит так называемый «оценочный термин», – такое, как «Машина отъехала *недалеко*».

Рассмотрим первый тип высказываний. В этом случае, действительно, мы имеем фундаментальное противопоставление высказываний-фактов, с одной стороны, и высказываний-оценок и высказываний-норм – с другой.

Но и здесь оппозиция фактов и оценок не имеет никакого отношения к противопоставлению субъективного / объективного. Главное отличие этих типов высказываний заключается в том, что высказывания-факты обладают истинностным значением, а высказывания-оценки (нормы) не могут быть истинными или ложными. Отсюда высказывания-факты описывают какое-то положение дел, а высказывания-нормы (оценки) предписывают или определяют линии нашего поведения. Нет нужды говорить, что норма «Воровать нехорошо / убивать нельзя» является оценкой или нормой не потому, что она субъективна (реальность и объективность существования этой нормы не вызывает никаких сомнений), а потому что она не может быть истинной или ложной, она может быть принята или не принята, общераспространенна или нет, впоследствии изменена или нет, но она не может соответствовать действительности или нет.

Вспоминается следующий пример из книги «Понятия чести, достоинства и деловой репутации»: «Ельцин выиграл президентские

¹ В этом аспекте интересна следующая теоретическая гипотеза: исследование языковой картины мира более продуктивно при сопоставлении естественного и специализированного языков, а не в сопоставлении естественных языков друг с другом. Известно, например, что естественный язык и язык физики А. Эйнштейна содержат разные теории одновременности. Бытовая привычная теория одновременности содержится в естественном языке и в каком-то смысле тривиальна для лингвиста как носителя естественного языка, тогда как вторая теория в силу ее сложности недоступна лингвистическому мышлению, на этом фоне остается нераскрытым и содержание первой теории.

выборы 1996 года – это событие. А вот суждений об этом событии может быть бесконечное множество. Например, такое: Ельцин выиграл благодаря поддержке электората А.И. Лебеда. Или такое: выигрыш Ельцина – благо для России. Первое из них может быть фактом (суждением о факте), если в результате верификации выяснится, что оно истинно. А вот второе не может быть фактом вообще (во всяком случае, в условиях реального времени – мы не можем пока стать на позицию будущего историка, в распоряжении которого окажутся средства верификации этого утверждения). Это типичное оценочное суждение» [Понятие чести..., 1997, с.18].

Авторы неявно предполагают, что выражение «Это благо» может быть проверено, и, возможно, что когда-то будут средства верификации этого высказывания. Вопрос о верификации мы рассмотрим далее, сейчас же отметим, что это высказывание формирует ценность, оно принципиально не может быть истинным или ложным, а потому не может соотноситься с действительностью. И если в будущем воображаемый историк скажет или уже сказал, что это все-таки было зло, то это будет не потому, что появились пригодные средства верификации этого высказывания, а потому что он просто изменяет ценность. Добавим, что на протяжении истории ценности, действительно, часто меняются.

Третий вариант оппозиции «субъективное / объективное», как мы уже отмечали выше, может быть представлен парой высказываний «На этом столе лежит мясо» и «Мясо было свежее». Здесь уже неточность объявляется субъективностью: второе высказывание из представленной пары содержит так называемый «оценочный термин» «свежий», а потому в этом случае имеем следующую логику: нет критериев свежести, а потому понятие «свежести» субъективно. Этот вариант проблемы, действительно, очень интересен, но вряд ли он тоже имеет отношение к оппозиции субъективного / объективного. Употребление «оценочных предикатов» – самостоятельный интересный вопрос, и, нам представляется, что его решение не так однозначно, как это представлено в теоретических работах по экспертизе и реальных экспертных исследованиях. Здесь отметим лишь следующее: это проблема, которая может рассматриваться сама по себе без привлечения метафизических оппозиций, считаем, что каждый предикат обладает определенной степенью неточности и выделять более неточные предикаты в класс субъективных – это не решение проблемы. При таком подходе высказывание «Это свежее мясо» – чистая оценка, тогда как высказывание «Это протухшее мясо», вероятно, будет считаться фактом. Считаем, что такой подход не выдерживает критики.

Верифицируемое / неверифицируемое (проверяемое / непроверяемое). Одна из традиционных оппозиций, которая призвана объяснить различие между оценками и фактами. Общим местом в работах лингвистов является цитирование Постановления Пленума Верховного Суда РФ [О судебной практике..., 1995], где утверждения о фактах – это высказывания, которые проверяются (могут быть проверены) на предмет соответствия действительности, а мнения и оценки – это то, что не может быть проверено на предмет соответствия действительности.

Мы уже рассматривали эту оппозицию, но считаем возможным остановиться кратко на ней еще раз. Основным тезисом, который мы будем обосновывать, является тезис о том, что в теоретических работах и в конкретных экспертных исследованиях используется бытовая (=непрофессиональная) концепция проверяемости, эта концепция ложна практически во всех ее аспектах.

1. Незнание логико-семантических свойств высказываний приводит к ложным квалификациям, отсюда и теории, которые используются де-факто противоречивы и неполны. Не стоит в этом аспекте говорить о качестве производимых экспертиз, потому что, если используются ложные неполные теории, то положительный результат возможен, но он случаен, так как из лжи следует все, что угодно. Незнание логико-семантических свойств высказываний ведет к тому, что из класса фактов исключаются высказывания, которые принципиально непроверяемы, но которые могут быть истинными или ложными. Это касается прежде всего кванторных высказываний, с кванторами общности.

2. Отождествление проверяемости с наличием в воображении эксперта эффективной процедуры проверки. Мы подчеркиваем, что индивидуально-бытовые представления лингвистов не могут являться основанием для принятия тех или иных решений, а вопрос о том, как проверить то или иное высказывание на предмет соответствия его действительности, вообще не является лингвистическим¹. Приведем конкретный пример. В течение трех лет слушателям курсов повышения квалификации задавался один и тот же вопрос: «Проверяемо ли высказывание «Бог существует»? Все слушатели отрицательно отвечали на этот вопрос, отождествляя принципиальную проверяемость с отсутствием представления о том, как это можно сделать и с действием сложившихся стереотипов о том, что это сделать

¹ То, что этот вопрос является вспомогательным эвристическим приемом при проведении судебных экспертиз, не вызывает сомнений. Вопрос: «А как проверить то или иное высказывание?» – мы достаточно часто слышали от коллег-экспертов.

невозможно. Отметим, что в логико-семантическом аспекте это высказывание, безусловно, проверяемо, а вот опровергнуть такой тип высказываний, конечно, нельзя, поэтому высказывания с квантором существования и с квантором общности ведут себя асимметрично относительно процедуры подтверждения / опровержения.

3. Отождествление проверяемости с принципиальной возможностью наблюдать. То, что наблюдаемо, то проверяемо, а следовательно, представляет утверждение о факте. В данном аспекте обычно противопоставляются выводы и наблюдаемые факты. К выводам, например, относят высказывания, сообщающие о ментальных состояниях третьих лиц. Так, например, в высказывании «Петров хотел убить Сидорова», утверждается, что состояние «Петров хочет» не наблюдаемо, а потому оно может быть только выводом из других фактов, а потому данный тип высказываний – это мнения, тогда как то, что сообщается в высказывании типа «Петров открыл дверь» можно наблюдать, а, значит, это утверждение о фактах. Теоретические предпосылки такого взгляда связаны с несколькими фактами: с иллюзией непосредственности наблюдения, с признанием наблюдаемого в качестве привилегированного типа информации. Ни первая, ни вторая предпосылка не являются очевидными. По поводу первой теоретической презумпции можно процитировать мысль К. Поппера: «...В нашем опыте нет ничего прямого или непосредственного... Все это есть декодирование, или интерпретация. Мы научаемся (learn) так хорошо декодировать, что всякое восприятие становится для нас совершенно «непосредственным» и «прямым», но то же самое происходит и с человеком, хорошо выучившим азбуку Морзе, или – чтобы взять более близкий пример – научившимся читать книги: они говорят с ним «прямо», «непосредственно». Тем не менее мы знаем, что при чтении книги имеет место сложный процесс декодирования; его кажущиеся прямота и непосредственность являются результатом тренировки, точно так же, как игра на рояле или вождение автомобиля» [Поппер, 2002, с. 44].

Другими словами, все высказывания наблюдения – это тоже выводы, но тогда все высказывания – это не более, чем мнения¹. Думаем также, что иллюзия наблюдаемости может привести к неожиданным следствиям. Так, в высказывании «Врач пришел в 5 часов вечера», если быть последовательным «эмпиристом», нужно признать, что информация о том, что некий человек пришел в 5 часов,

¹ Этот вывод, на наш взгляд, не так далек от истины, однако эти выводы-мнения, независимо от того, представляют ли они иллюзорные прямые наблюдения или выводы из фактов, могут соотноситься с действительностью, согласовываться с ней или противоречить ей. Отметим, однако, что эта концепция не является логическим продолжением концепции «Всякое высказывание субъективно», которая рассматривалась выше.

будет представлять собой утверждения о факте, а информация о том, что этот человек был врачом, будет являться мнением говорящего, так как вряд ли свойство «быть врачом» наблюдаемо, то же самое, кстати, можно сказать и о выражении «Сейчас 5 часов».

На наш взгляд, это ясно показывает, что принцип наблюдаемости в судебных лингвистических экспертизах действует весьма избирательно: его действие ограничено диапазоном высказываний, о которых у конкретного эксперта существует убеждение о том, что это высказывание о непосредственном, прямом наблюдении.

Заканчивая статью, отметим, что в настоящее время нет никакого теоретического (да и прикладного) основания опираться в производстве судебных лингвистических экспертиз на оппозиции субъективного и объективного, проверяемого и непроверяемого, их противопоставление лежит в другой плоскости (репрезентативы с различной степенью фиксации ответственности за истинность, семантика оценки, семантика различных степеней точности), и полное теоретическое описание этой проблемы с возможными прикладными следствиями, – на наш взгляд, дело будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Российская газета. № 50. 15.03.2005.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Авт.-сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин; Отв. ред. А.К. Симонов. – Москва: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.

Поппер, Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. Отв. ред. В.Н. Садовский / Карл Р. Поппер. – Москва: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

REFERENCES:

O sudebnoj practice po delam o zashite chesti I dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoj reputatsii grazhdan I juridicheskikh lits: Postanovlenije Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 № 3 // Rossijskaja gazeta. № 50. 15.03.2005.

Ponyatyje chesti I dostoinstva, oskorblenija I nenormativnosti v tekstax prava I sredstv massovoj informatsii / A.A. Leontjev, V.N. Bazylev, Ju.A. Belchikov, Ju.A. Sorokin; otv. Redactor A.K. Simonov. – Moskva: Fond zaschity glasnosti, 1997. – 128 s.

Popper, Karl R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / Karl R. Popper. – Moskva: Editorial URSS, 2002. – 384 s.